

Виктор Платонович

Некрасов

Странный человек

Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей. То ли робею перед ними, то ли боюсь показаться глупее, чем я есть на самом деле, или ляпнуть что-нибудь, из-за чего век потом будешь краснеть. Короче — избегаю их. И кусаю теперь локти, так и не познакомился, — а ведь мог, мог же — ни с Борисом Пастернаком, ни с Анной Ахматовой (в первый и последний раз встретился с ней в Никольском соборе в Ленинграде, навеки успокоившейся). И к Михаилу Зощенко тоже не подошёл, хотя и присутствовал в тот памятный вечер в Союзе писателей на улице Воинова, когда он, волнуясь и запинаясь, читал свои рассказы ленинградским писателям, не менее его волновавшимся, — это было за год-полтора до его смерти.

Короче — не тянет меня к великим людям, боюсь я их.

Но когда, совершенно неожиданно (хотя и с предварительным, конечно, звонком из Москвы), за нашим обеденным столом в Киеве оказался застенчивый, немногословный и, главное, ни грамма не приемлющий академик (стол к этому, признаюсь, не привык), я сам себе не верил. К тому же несколько озадачен был, почему два крохотных кусочка с таким трудом раздобытой и с таким старанием приготовленной моей женой селёдки непременно надо было разогревать.

«Андрей Дмитриевич не любит ничего холодного, — развела руками Люся, его жена. — Учёных без странностей не бывает... И кисель разогреть придётся. И балкон прикрыть».

Прикрыл, что поделаешь.

Да, у Андрея Дмитриевича много странностей. Не только селёдка, кисель или полная растерянность у железнодорожной кассы, где книжечка Героя Социалистического Труда (трижды!) в момент решает все транспортные проблемы. Вероятно, есть десятка два или три других ещё странностей, но есть одна, к которой никак не могут привыкнуть, просто понять люди, считающие себя руководителями нашей страны. Этот человек ничего не боится... Ничего! И никого!

Отвага, доблесть, бесстрашие, храбрость, героизм? Нет, все эти прекрасные, возвышенные понятия к Сахарову не примеримы. Думаю, у него начисто атрофировано это чувство — чувство страха. Может, просто не думает об этом? И на другие дела, поважнее, не хватает времени. Люди, люди, люди. Судьбы...

Я хотел бы, но не имею права причислить себя к числу ближайших друзей Сахарова — редко виделись и склада мы разного (моё обычное «без ста граммов не разберёшься» ему, увы, чуждо), к тому же особым честолюбием или тщеславием я не отличаюсь, и всё же... Я **бесконечно горд** (подчёркиваю эти два слова), что самый благородный, самый чистый, самый бесстрашный, добрый и, вероятно, самый учёный (в этом я, правда, не разбираюсь, в школьные годы у меня по физике был репетитор) человек относится ко мне с благосклонностью и даже прощает кое-какие грехи.

И ещё горжусь тем, что только у меня, единственного на всём земном шаре, есть фотография Андрея Дмитриевича, сделанная лично мною в Москве, в больнице, фотография, которой нет ни в одном «Лайфе», ни в одном «Пари-матч» или «Штерне». И не будет. Она есть только у меня. Стоит на книжной полке. Она

по-сахаровски чуть смущённо улыбается мне. Когда я утром просыпаюсь, это первое, что я вижу. И мне становится как-то теплее... Потому что этого великого странного человека я не только люблю, но и не боюсь.

1981 г.